

Коронный номер

Началась эта трогательная история в конце марта двадцатого года. Я закончил роман и вновь братья за перо не испытывал ни малейшего желания. Намеревался отдохнуть, хотя бы до лета. Заслужил. Но для уважающего себя человека нет слов «хочу—не хочу», а есть слово «надо». Надо так надо. Не следует делать вид, что знаковые события тебя не касаются. Ещё как касаются.

Напасть свалилась неожиданно. Коронавирус какой-то! Сразу же, неизвестно зачем, на столичных улицах появились полицейские броневики и полицейские же машины с зарешеченными окнами. Для чего? Для борьбы с напастью? Бог ведает, но страху на граждан нагнали нешуточно. В одночасье город словно вымер. Ограничения! Из дома не выходить под угрозой штрафа. Только в ближайший магазин или в аптеку. Кошмар!

По городу поползли слухи. В Интернете появились кадры войсковых колонн, стягиваемых к Москве. Возник вопрос: а не очередной ли это переворот? Не борьба ли группировок за власть? Услужливо вспомнились события девяносто третьего года, танки на улицах, войска. Но тогда события развивались на ограниченной территории: Белый дом, Останкинская телебашня.

В спальных районах о драматических событиях можно было судить лишь по чёрным «Волгам», на большой скорости мчавшимся к центру города. И кадры из телевизора, конечно, где на потеху зевак танки расстреливали Белый дом. А так даже стрельбы не было слышно. Да и быстро всё закончилось. Гуляя в те дни по Арбату, я с большим удивлением смотрел на верхние этажи зданий, в которых окна, обращённые в сторону Белого дома, вдребезги оказались разбиты пулями. Кучи битого стекла лежали у стен на асфальте. Непривычная картина! Но за прошедшие годы граждане ко многому привыкли.

Моя бывшая жена Лена знала о вводимых ограничениях не понаслышке. Она работала врачом, заведовала крупным отделением в детской больнице и, конечно же, сразу оказалась в гуще событий.

— Смотри, какой пропуск нам выдали для перемещения по городу,— похвасталась она, демонстрируя документ.

Но пропуск впечатления не произвёл. Так себе бирка. У менеджеров бирки солиднее смотрятся. — А это не боевой вирус?— поинтересовался я у неё.

— Не знаю. Но нас призвали ко всему быть готовыми.

Запреты! Так что же творится на улицах? Надо разведать. На четвёртый или пятый день после введения ограничений под угрозой штрафа я засобирался на улицу. И не в магазин или в аптеку, как ранее, а на прогулку по привычке. Боялся ли я штрафа? С моими-то доходами! Ежемесячно я отдавал режиму по десять тысяч рублей за коммунальные услуги, которые раньше стоили копейки. И пенсию мою отодвинули, да ещё налоги. В год выходило под триста пятьдесят тысяч! Что мокрому воды бояться?! А как же прогулки, привычные разминки на тренажёрах во дворах? Забыть? Но и подставляться не хотелось. Разминки подождут, а вот прогулки... Выбрал середину.

Завернув в ближайшую «Пятёрочку» за хлебом, я, нарочито размахивая пакетом, направился вдоль проспекта посмотреть, что творится на белом свете. Ну и себя показать, не без этого. Перед закрытым лентами родным парком «Сосенки» припарковалась полицейская машина. Ну, сейчас начнётся! Но никто из машины не вышел. Пройдя мимо со своим пакетом, я успокоился. Стало понятно, что сегодня арестов не будет. Тогда и размяться маленько не помешает! Спортплощадки закрыли лентами ещё намеренно, зато старый пруд за церковь— пока нет. Пока шёл к церкви, с интересом поглядывал по сторонам. Улицы-то как опустели! Никого вокруг. Непривычно! Москва ли?

А вот и пешеход, бегун, вернее. Навстречу бежал мужчина в спортивном костюме без маски. Надо же, явный нарушитель режима!— неодобрительно покачал я головой. Вместо того чтобы сидеть дома и дрожать как осиновый листок, бегаёт себе, оздоравливается. Таких вот и следует вязать в первую очередь. Впрочем, это мог быть работник прокуратуры или судья— говорят, их даже дорожная полиция не трогает. Если так, то, конечно, пусть бегаёт.

Обогнув церковь и обойдя пруд, я повесил пакет с хлебом на видное место и приступил к разминке.

Приятно двигаться на свежем воздухе! В одиночестве! Над прудом, отражаясь в воде, нависали купола церкви, а за ними возвышалась громадина делового центра. Знакомая для столицы картина. Вскоре на берег вышли два человека. Один из них, посмотрев в мою сторону, принялся переговариваться по телефону, а второй просто молча стоял рядом. Кроме нас, никого не было. Утки плавали только. Кто они? Почему вдвоём? Разведчики! Доложили про обстановку. Вскоре они прошли мимо, бросая любопытные взгляды, но я не прервал своих занятий. Разминка на воздухе весьма полезна.

Вернувшись и перекусив на скорую руку, я вновь засобирился на улицу. На глазах разворачивается история. Нельзя пропустить. Пока же мало впечатлений. Мало! Нет ясности общей картины. Желательно получить больше материала для вдумчивого анализа. Разминка в затишке—это одно, а вот пройтись на виду по проспекту—совсем другое дело. На этот раз мой маршрут пролегал в другую сторону. Людей по-прежнему было мало, но машины катились, и довольно оживлённо. По пути встречались одинокие мужчины в надвинутых на лоб капюшонах и с рюкзаками за спиной. Одинокие женщины в масках, азиатки по большей части, на ходу переговариваясь по телефону, тоже спешили куда-то. Встречались и парни-азиаты, по двое-трое. Шли они явно без дела, прогуливались и, видимо, не боялись проверок. Наверное, терять им было нечего. В их поведении угадывалась некоторая агрессивность. Ну да! Граждане другого государства, приехали, можно сказать, в гости, работать, а тут ограничения! Кому это понравится?

Нет, никаких проверок в тот день не проводилось. Довольно часто проезжали полицейские машины, многие с работающими проблесковыми маячками, они притормаживали около граждан, и только. А вот и большая стройка. Интересно—что там? А там, несмотря на запреты, всю кипела работа. Сверкала сварка, доносились стук, лязг и скрежет работающих механизмов. Краны поворачивали свои стрелы туда-сюда, с грузом и без, рабочие в касках оживлённо перекрикивались на этажах. Может быть, руководители стройки решили, что проще платить штрафы, чем останавливать такое грандиозное строительство? Не знаю. Не исключено, что и с властями была договорённость: дескать, работайте потихоньку, пока гром не грянет.

Да, тут уместно упомянуть, что моя бывшая жена Лена вручила мне неизвестно зачем клетку с молоденьким попугаем. По согласованию с ней я открыл у клетки дверцу, предварительно прикрыв окна, и обратился к питомцу: выходи, полетай немного! Но он и не думал вылезать из клетки. Похоже, что его всё устраивало. Вода и корм под боком, а для разминки можно и просто крыльями

похлопать, порхая с жёрдочки на жёрдочку внутри клетки. Зачем, спрашивается, вылетать? Словом, из клетки я его выгнал, но пожалел о содеянном. Он уселся на дверь и так сидел на одном месте, даже не думая летать по квартире, как планировалось. На воле ведь ничего нет, зато в клетке... И корм, и вода. Уяснив ситуацию, я водворил его обратно. Пусть уж сидит на привычном месте. Всё голодать не будет.

Впрочем, и без попугая забот хватало. Привычный режим оказался нарушен. Ни размяться во дворе, ни прогуляться спокойно. Действовать приходилось с оглядкой на свежие новости из Интернета. За новостями дело не стало. То и дело слышалось: нельзя то, нельзя это. Что день грядущий принесёт? Информация обновлялась постоянно.

Так незаметно наступил знаменательный для меня день моего шестидесятилетия. Дожил, слава Богу! По такому поводу мы с Леной с утра отправились на прогулку. У неё был рабочий пропуск, а я так, за компанию. Нормально. Солнце уже пригревало, но и ледяной ветерок напоминал: до лета ещё далеко. Свернули было в парк, но вместо оговорённой прогулки практичная женщина повела меня в «Пятёрочку», отовариваться. — У меня консервов мало,— кратко поздравив юбиляра, объявила она.

В «Пятёрочку» так в «Пятёрочку». Мне не привыкать. Консервы закупались для родственников, отдыхающих в то время на даче.

Между делом она принялась было рассказывать про новые ограничения, но я перебил её: — К Пасхе всё закончится! Потеплеет—не удержат им народ по квартирам. — Нет, не закончится,— возразила она.

Помня о том, что всегда проигрывал ей в спорах, я осторожно выдвинул свой аргумент.

— Они, организаторы, невнимательно читали «Один день Ивана Денисовича»,— предположил я. — А что там?

— А там начальник лагеря издал строгий приказ, что запрещается передвигаться по территории лагеря в одиночку. Только в составе группы. Так поломался приказ по-тихому, как и все громкие приказы. Скажем, вызывают к себе стукача—так не отправлять же с ним команду?

— Ошибаешься!— вновь повторила она и оказалась, как всегда, права.

Но ясно это станет позже. А тогда, за разговорами, нагруженные покупками, мы вышли из магазина.

— Теперь куда—домой?

— Поскольку покупки сделаны, то почему бы не отправить их сразу на дачу?— рассудила бывшая супруга.

Она всегда старалась довести дело до конца. Возразить на это оказалось нечего. А потому, добавив

к консервам ещё и дачный скрап, именинника отправили на почту. Еле дотащил поклажу!

На почте сначала посетителей не оказалось. Я скинул куртку, поскольку взмок весь, и принялся паковать поклажу в два больших ящика. С оплатой по карте возникла заминка—завис компьютер.— Ждите!—предложила девушка-оператор.— Подожду, благо, уже без поклажи.

Народ между тем стал прибывать. Да все в масках!

— Больше двух человек в зале не собираться!— громко объявила другая девушка-оператор.

Народ в количестве пяти человек дружно переместился за порог и столпился там. За порогом можно, не считается.

До разметки дело в то время ещё не дошло. Компьютер заработал. Расплатившись и поблагодарив девушек, я, довольный тем, что отделался малой кровью, вышел на улицу. А там люди спешили по своим делам. Пройдусь и я для моциона, посмотрю, что творится на улицах.

— Гуляете?!—крикнула впереди идущая женщина молодой маме с коляской через дорогу.

Машин почти не было, вполне можно переговариваться.

— Надоело дома сидеть!—подтвердила та.

Для обсуждения этого вопроса женщина направилась через дорогу к мамаше. Остановились. Беседуют. Вот бы послушать!

Я продолжил движение и увидел, что навстречу идёт патруль из трёх рослых гвардейцев—двое полицейских и охранник. Все экипированы, смотрят внушительно. Свернуть или не свернуть в сторону? Краем глаза отметил, что идущая почти вровень со мной женщина свернула во двор. Я же продолжил движение. Оштрафуют—можно отнестись за счёт творческих расходов. Медленно и без происшествий мы разминулись.

День рождения же сегодня! Вина бы выпить, а то и водочки! Может, женщина расщедрится?— Мамуля, посылочку отправил, а денег на бутылочку и не осталось,—пролепетал я ей по телефону как можно жалостливее.— С патрулём, кстати, только что разошлись безболезненно. Не задержали.

— Доиграешься!—ответила Лена.

На двести пятьдесят рублей она расщедрилась. Ура!

На радостях я направился в магазин неподалёку. По пути внимание привлёк бутик «Интим-хаус». В витрине стояла девушка-манекен в форме медсестры в такой короткой юбке, что выглядывали трусики. На груди висела табличка. Любопытно. Я приблизился. Так и есть! «Без коронавируса!»— гласила надпись на табличке. Молодцы! Впрочем на спрос реагируют. Отоварившись в магазине вином, я направился домой. А дома... Дома меня ждал подарок. Записал телефон, и на экране

высветилась надпись: «На ваш счёт поступил платёж». Как кстати! Неужели неведомый мне благодетель расщедрился? Такое редко, но случается. Или кредит навесили помимо воли? Надеюсь, что не кредит. Время покажет. Однако и события за окном тоже привлекали внимание. В голове крутился простой вопрос: а что же будет дальше? Это ведь только начало.

На следующий день с утра погода испортилась. Задул порывистый ветер, повалил снег. Собравшись, я направился на разминку на привычное место у пруда. Все спортивные площадки к тому времени оказались перетянуты лентами. Нельзя! Нельзя так нельзя. Обойдёмся. У церквы стояли машины. Много. Шла служба, и мелодичный голос певчего далеко разносился по округе.

Перед церковной оградой прохаживались люди с маленькими детьми, и из подъехавших машин выходили дети. Не иначе как церковный праздник какой-то. Обойдя пруд, я приступил к тренировке. Снег временами валил довольно сильно, но не непрерывно, бил как-то зарядами, и было понятно, что он скоро закончится. Утки плавали как ни в чём не бывало. Десятка два их набралось в тот раз, не меньше. Изредка они поднимались в воздух, делали два-три круга над прудом и снова плюхались в воду. Забавно. Вместе с человеком разминаются.

Я успел сделать половину привычной разминки, как на берег вышел патруль—двое полицейских, в масках, в перчатках. Уже появилась мода на перчатки. Решив не испытывать судьбу, я прервал разминку и, не торопясь, по противоположному берегу двинулся к выходу. Ширина пруда всего-то двадцать метров. Захотят—окликнут. Я точно не торопился, шёл себе, поглядывая на уток и сожалея о том, что не захватил с собой хлеба. Я и раньше на дороге, когда сидел за рулём, при виде патруля снижал скорость, даже если ехал медленно. Привычка!

Полицейские громко переговаривались о своих делах, не обращая на меня внимания.

— Премия сорок пять тысяч!—доносились обрывки их разговора.

Неплохо. Такие деньги никому не помешают. Обогнув церковь, я вышел на проспект и направился к дому. Меня вновь обогнал мужчина в спортивном костюме. Полицейский фургон по-прежнему стоял у перетянутого лентами входа в парк. Из него так никто и не вышел. Распогодилось. Выглянуло солнце. Сразу стало веселее, и появилась надежда. Перемелется—мука будет. А по проспекту, направив струи вверх, катилась одинокая поливочная машина. А всё-таки как пусты стали московские улицы! Поговорить даже не с кем. Когда же всё закончится?

Вечером того же дня я подошёл к окну. Снег очистил воздух, и с высоты далеко всё просматривалось. Везде горели окна в домах, много, очень

много. Люди занимались домашними делами, готовились ко сну. На завтра обещали хорошую погоду, да и звёзды мерцали уже ярко-ярко. Луны почему-то не было видно. Краны на большой стройке застыли и не светились неоновыми огнями, как обычно. Нароботались. Так что же будет дальше? Что ждёт город, страну и меня? Пока одно не вызывало сомнений: на пороге — настоящая весна!

Через день-другой с улиц Москвы исчезли патрули и дежурившие у входов в парки полицейские автобусы. Не проезжали больше ни броневики, ни машины с зарешеченными окнами. Не понадобились, значит. Мне вспомнились события почти двадцатилетней давности, когда прогремели взрывы в автобусах в Москве. Никто не пострадал тогда, да и автобусы оказались повреждены не сильно. В то время я работал директором охранного предприятия и помню, какую волну подняли по наведению порядка. Мои бойцы дежурили на маршрутах с оружием. Очень быстро всё сошло на нет. Людей отозвали, и взрывы больше не повторялись.

Минул ещё день. Москва потихоньку оправлялась от шока. Всё больше людей совершали пробежки по утрам, появились и самокатчики. Мамаши всё решительнее выходили на улицы с колясками проветриться. Опять нарушительницы режима самоизоляции. Как не стыдно! Их-то власть подкармливает, подкидывает копеечку на бедность. Могли бы проявить уважение.

Нет, всё не так! Занять бы их следовало, а не ограничивать, думалось мне. Отстояла бы такая деваха смену у ткацкого станка или отсидела бы за швейной машинкой. А потом в ясли за ребёнком — и домой. Не до праздных шатаний по улицам стало бы. Не собирались бы они в кучки, не шушукались. Даже на спортплощадках, опередив меня, появились крепкие ребята. Участковые стали прохаживаться во дворах, но больше для порядка. Людей они не трогали. Пока.

Наворачивая всё большие круги по городу, я наблюдал за тем, как оживали улицы. Люди спешили по своим делам, а кто и просто прогуливался без дела. В масках по большей части. «Вы не те места закрываете, граждане! — мысленно обращался я к ним. — Вам бы карманы свои закрыть поплотнее, чтобы всякие прохиндеи по ним не шарили безнаказанно». Но поскольку обращался я мысленно, меня не слышали. Вскоре заработали и мелкие продуктовые лавочки, продавцы которых выглядели весьма раздражёнными. Заглянул я в одну из них. — Чек дайте! — попросил у продавщицы стоящий впереди меня мужчина.

— А без чека что, домой не пустят? — огрызнулась та, но чек, конечно, выдала.

Убытки! Всё предстоит навёрстывать.

Вечером я устроился за компьютером посмотреть новости. На этот раз интересовали записи знакомых редакторов в «Фейсбуке». Как реагируют

они? «Полюбуйтесь на злостного нарушителя режима самоизоляции!» — бросился в глаза заголовок поста известного редактора. Интересно. Кто такой? Пройдя по ссылке, я на мгновение оторопел, а потом чуть не свалился со стула от смеха. На меня смотрел мой портрет. В юморе редактору не откажешь, это было давно известно.

А тем временем на глазах оживала природа. Скванные было недавними морозами, набухшие почки готовы были распуститься, и кое-где даже появились маленькие зелёные листочки. Птицы щебетали всё громче. Тепло не за горами! «Сколько ещё пребывать в неведении — день, два, неделю?» — гадал я, посматривая по сторонам. А что пишет пресса, вернее, какие прогнозы дают в Интернете? Новости оказались противоречивые. То нельзя всех стричь под одну гребёнку, то призывали шире распространить ограничения. Поди разберись. А с высоты моего этажа улицы казались по-прежнему пустыми. К вечеру пригрело солнышко, и народу на улицах прибавилось. Всё? Нет. С выводами торопиться не стоило. Посмотрим, что будет завтра-послезавтра.

Лена вновь отправила меня на почту с посылкой, и на этот раз там произошли существенные изменения. Появилась разметка, и очередь тянулась далеко по улице. Приживался новый термин — «социальная дистанция», при несоблюдении которой некоторые тётеньки шипели на прохожих, как змеи. Маски, перчатки и ожидание. Работало всего одно окно — как объяснили, в целях безопасности. Остальные девушки-операторы сидели и скучали, но на замечания граждан огрызались весьма умело. — Сейчас и последнее окошко закроем, — отвечали они. — Имеем право!

Диспуты сразу прекращались. Тот визит занял два с половиной часа. Немало!

А дома попугай по-прежнему сидел в клетке с открытой дверцей и самостоятельно не покидал её. Вот образец самоизоляции! Не то что некоторые! С детства воспитывать надо.

— Иди, полетай, дружок! — обратился я к нему, просовывая руку в клетку, но он лишь порхал с жёрдочки на жёрдочку.

Ну и сиди на здоровье! Подумав, я принял решительные меры. Подгоняемый человеком, попугай вылетел из клетки. Как поведёт он себя на этот раз? Принялся летать-таки по квартире. Большого труда стоило изловить его и водворить на место. При полёте он громко чирикал и как бы насмехался: не догонишь, не поймашь! Нет, благодарности за свободу от него не дождёшься!

Минуло ещё несколько дней. Я уже вошёл в привычный режим, не оглядываясь на запреты. Разминаться приходилось только не на тренажёрах во дворах, а на пруду у церкви. Ничего. Для разнообразия даже полезно. Утки там освоились и выходили на берег, прохаживались поодаль.

Тишина и покой. Изредка только раздавался колокольный звон. Хорошо.

Людей на улицах становилось всё больше, и город постепенно возвращался к привычной жизни. На велосипедах деловито по одному катились коробейники в зелёных и оранжевых куртках, с большими коробами соответствующего цвета. Вот уж для кого раздолье! Торопятся, время зря не теряют. Остановились, поговорили по смартфону и покатались себе дальше. Неплохо. Поливательные машины во дворах старательно мыли асфальт. После полива голуби охотно пили воду из лужиц с белой пеной, и ничего-то им не делалось. И вороны макали туда корки хлеба. Кажется, им даже нравилось. Шипучка. На лимонад похоже. «Скоро объявят о победе над напастью!» — оценил я усилия местных властей. Только вот — как скоро? И что думают по этому поводу соседи?

В лифте я столкнулся с мужчиной, живущим этажом выше. Поздоровались за руку.

— Похоже, что скоро преодолеем пандемию? — осторожно высказал я предположение.

— Да какая это пандемия?! — в сердцах воскликнул сосед. — Афера международного масштаба!

— Правда?

— Мелкий насморк выдаёт чёрт знает за что! Вот у вас из знакомых кто-нибудь болеет?

— Нет вроде.

— Вот и у меня нет.

Дальше он принялся костерить на чём свет стоит мировое правительство и прочее, прочее.

— Своих-то на дачу отправили? — перевёл я на другую тему.

— Сегодня туда поеду, — подтвердил мужчина.

— Это хорошо, на даче всё веселее! — согласился я с ним.

К слову, те, кто оказался на даче в то время, находились в более выгодном положении, чем жители города, на мой взгляд. На природе лучше. И погулять можно без опаски, и воздухом подышать в охотку, и зеленью полюбоваться. А сидеть запертым в четырёх стенах — мало удовольствия. Но не все соседи разделяли эту точку зрения. Судя по экипировке жителей — маски, перчатки, некоторые восприняли угрозу весьма серьёзно. Да ладно, с Москвой всё понятно. А что же творится в других городах России? Везде ли одинаково? Интересно ведь!

Из любознательности я посмотрел в Интернете, что творилось в хорошо знакомом городке у моря — в Лазаревском. Местный житель как раз вёл съёмки происходящих событий. Всё так же. Пустые улицы, полицейские на пляже. Веселило, как при виде патруля он благоразумно нырял в аптеки от греха подальше. Знакомая картина! Значит, и там то же самое.

От погоды зависело многое в то время. Тёплая и малоснежная зима напоминала о себе и в апреле,

как бы шептала: я ещё не совсем ушла, не забывай-те обо мне. Погожие деньки сменялись ненастьем, и тогда резко дул ледяной ветер, летели редкие снежинки. Весна, несомненно, вступала в свои права, но как-то медленно и нерешительно, шаг за шагом.

В холодную пору граждане охотно соблюдали режим самоизоляции, сидели смиренно по домам, улицы пустели. Но власть, похоже, не собиралась зависеть от погоды. В Интернете появились новые предупреждения о возможном ужесточении режима. Сорванные было ленты, ограждающие вход в парки да на детские и спортивные площадки, восстановили вновь, и мало того — даже во дворах стали останавливаться полицейские автобусы. Редкие прохожие опасливо поспрашивали в сторону патрулей. Я прогуливался по-прежнему. Идущая мне навстречу пара с двумя детьми, увидев такой автобус, остановилась.

— Что будем делать? — шепнула женщина мужчине.

— Идём, они не тронут, — так же шёпотом ответил он ей.

Пока людей во дворах не трогали. Пока.

Да, просто так сдавать завоёванные позиции власть не собиралась. На Вербное воскресенье появились полицейские на дорогах и стали массово останавливать машины для проверки. Усилились и пешие патрули. Вместо двух полицейских улицы Москвы теперь патрулировали четыре человека, и никаких охранников — все полицейские. Уграждан стали проверять документы, спрашивать о целях перемещения по городу. На глазах закручивались гайки. Несмотря на хорошую погоду, город вновь выглядел пустым. О том, чтобы жарить шашлыки на природе, не могло быть и речи.

Вскоре опять похолодало, заморосило. Самое время размяться у пруда. Поехали! Появилась знакомая женщина с собаками.

— Сделаете пару снимков? — обратился я к ней.

— Отчего же не сделать?

Я охотно попозировал, и женщина, сделав пару снимков, удалилась. На противоположный берег вышел мужчина в куртке с надвинутым капюшоном, и почти сразу следом заехала полицейская машина. Из неё вышли два полицейских и принялись проверять у мужчины документы. Какая уж тут тренировка! Прервав разминку, я направился, как и ранее, по противоположному берегу от греха подальше. В тот раз уйти не удалось. Отпустив мужчину, полицейские двинулись мне навстречу. — Здравствуйте!

— Здравствуйте!

Я представился и продемонстрировал разрешение на оружие. Произвело впечатление. Ребята расступились, освободили дорогу.

— А электронный пропуск есть? — спросил-таки один из них.

— Писателю не обязательно, — ответил я на ходу, припомнив, что пока такой пропуск необходим

для передвижения на транспорте.—Я же пешком, в магазин, в аптеку—и домой бегом.

И, уже поднявшись на горку у пруда, крикнул напоследок:

—Кстати, бывший директор охранного предприятия, десять лет служебный пистолет таскал.

Ребята не ответили. И не надо. Доложат по команде, несомненно, а мне всё на пользу, всё слава множится.

Однако тренировки придётся прекратить, это стало понятно. Нельзя всё время испытывать судьбу. Ничего, остаются прогулки. Я вышел на проспект. Все прохожие шли в масках. А маски-то какие модные стали, особенно у молодёжи! С картинками! Может быть, и по завершении действия не сразу от них откажутся? Привыкли ведь.

Вскоре погода улучшилась, но днём город по-прежнему выглядел пустым. Такая картина была обычно утром в воскресный день. Но чтобы днём! Полицейских у входа в метро прибавилось, и документы они проверяли долго и тщательно. Нагулявшись, я направился домой.

А дома попугай стал с интересом высовывать клюв из клетки, но не вылетал сам пока, всё ждал приглашения. Выставить его из заточения приходилось-таки мне. Развлечение? Несомненно. Нам обоим. Всё веселее дома сидеть.

Вообще-то эта неопределённость стала уже надоедать. Долго ещё? Солнце выглядывает всё чаще, птицы в лужах купаются—значит, тепло не за горами. Солнце вот-вот начнёт припекать по-настоящему, загорать пора, а все берега прудов по-прежнему лентами перетянуты. Не подступишься! А загорать-то где, на балконе? То, что всё закончится довольно быстро, казалось понятно с самого начала. Я даже срок обозначил для себя: к Пасхе всё образуется. Потеплеет—не удержат народ по домам, выйдут граждане на улицы. Не угадал. Удержали. Ещё как удержали! Права оказалась Лена.

На Пасху мы с ней отправились на прогулку к церкви, ну и кулич освятить намеревались.

—Представляешь, я подписала приказ, что в течение часа обязана прибыть на рабочее место!—просветила меня она.

—Свернётся всё к концу месяца!—не без сомнения отмахнулся я от надоевшей уже темы.

—Я буду только рада,—ответила бывшая супруга.—Но могут и продлить, не забывай—столько войск нагнали!

—Нагнали,—согласился я.—Да забыли о том, что силовики—это сыновья и братья тех мужчин и женщин, что ходят по улицам.

—Их из других городов привезли,—парировала она.

—Так и в других городах творится то же самое.

Тут кстати вспомнилось Лазаревское.

—Историю вспомнить не мешало бы.

—Какую ещё историю?

—Историю сорок первого года. Вспомнить, какого труда стоило поддерживать порядок в Москве. Это при том, что людей объединяла общая идея защиты от врага. А полномочия какие были! На улицах расстреливали. А сейчас-то что? Где власть и где народ? Дошло до того, что некоторые богатеи рассуждают, какие города закрыть, а какие нет. Эти-то куда с суконным рылом да в калашный ряд?

Никакого освящения куличей в тот день не проводилось, да и церковь выглядела на удивление пустой. Это в Пасху-то! И никого перед оградой! Лишь одна женщина подошла, поговорила с охранником и зашла на территорию храма. Удивительно! Зато за церковь у пруда народу хватало. Бежали физкультурники по дорожке, гуляли люди с собаками да пары в возрасте отдыхали на скамейках. Праздник у людей не отнять. Патрули в тот день не показывались. И правильно!

Мы с Леной в охотку подышали свежим воздухом на Пасху. Походили по склонам оврага, спускались к речке. Перемазались основательно, но остались довольными, поскольку соскучились по настоящим прогулкам.

—Тренировку отложил,—ворчал я для порядка.

—Сейчас тренируйся,—предложила Лена.

—Нет уж, гулять так гулять,—отказался я, а сам подумал о том, что войти в привычный режим потом будет непросто. Возраст!

Следующие дни отличались от этого, но не сильно. То вновь появлялись редкие патрули, то полицейские автобусы останавливались перед парками, по которым, впрочем, уже без особого смущения бегали физкультурники. Неизменным оставалось лишь одно: улицы Москвы выглядели по-прежнему пустыми. И машин по дорогам катилось меньше, чем обычно. «Где все граждане, чем они заняты?»—гадал я, оценивая разом опустевший город. Зато птицам стало раздолье. Прилетевшие скворцы и дрозды оживили картину. Они гуляли по травке, вытаскивали из намокшей от дождей земли жирных червячков и охотно лакомились ими. И мне пора зайти за продуктами.

В молочном магазине сотрудница открывала и закрывала двери, впуская и выпуская покупателей.

—Вахтёром теперь работаете?—поинтересовался я участливо.

—Да,—подтвердила она.—Один человек вышел, другой вошёл. Не больше. Зато нас не закрывают, мы работаем, а вот другие по домам без денег сидят. —Работа—первое дело!—кивнул я согласно.

А тем временем события во Владикавказе показали, что людям надоело сидеть без дела по домам и ждать у моря погоды и что о своих правах они готовы заявить во весь голос. Кадры с места событий впечатлили. «Вы должны нас защищать, а вы против нас выступаете!—кричали крепкие парни силовикам.—За кого вы вообще воюете?»

Затем последовали волнения вахтовиков в Якутии. Запахло жареным.

И в Интернете продолжали страшить карательными мерами. Народ реагировал адекватно — с юмором. Ближе к майским праздникам в городе появились серьёзные патрули по шесть-восемь человек, да все в бронезилах! Они контролировали перетянутые лентами пустые парки, проверяли у редких прохожих документы. Их появление подтверждало, что коронавирусу будет дан решительный бой. О привычных шашлыках с выпивкой на природе в предстоящие тёплые денечки гражданам пришлось забыть. Майские праздники без шашлыков! То ли ещё будет! Сорванные было гражданами ленточные ограждения восстанавливались снова и снова. Доступными оставались прогулки на свежем воздухе, да и то с оглядкой. Прогулки так прогулки. Всё лучше, чем ничего. Вручив мне в дополнение к попугаю ещё и рыбок, Лена отбыла на дачу. Я вновь остался один. Не привыкать!

В те дни у меня вошло в привычку выходить из дома ещё и вечером. Очень уж любознательно стало наблюдать за тем, что творилось на улицах. Вон парень с девушкой, беспечно держась за руки, направляются в сторону тёмного парка. Нарушителю. Вот семья с детьми на самокатах прогуливается без сумок и без масок, явно для моциона перед сном. Опять непорядок. Вот воробьи как ни в чём не бывало клюют корку хлеба. Ну, воробьи ладно. А вот и пожилая пара, поддерживая друг друга и опираясь на палочки, ковыляет себе потихоньку, переговаривается. И они без сумок! Ну что взять со стариков? Они ведь Сталина живым ещё застали. А на остановках стали появляться листовки, где в стихотворной форме и довольно метко оценивались действия властей всех уровней. За словом у нас народ в карман не полезет. Впечатлило. Да и патрули ближе к вечеру исчезали куда-то с улиц. Ну и дела! Казалось, что вот-вот объявят о победе над напастью, и заживём как прежде. А стройки всё-таки встали. Нарботались. Впрочем, вскоре они заработали вновь.

Похоже, что страх пропал. Граждане всё чаще без собак и без масок высыпа́ли на улицы. Из неспешных их разговоров изредка доносилось слово «афера!» Поразило количество такси на улицах полупустого города. Армия парней села за баранки. К гвардейским частям охранников добавились гвардейцы-таксисты и корабейники. Мелькнула мысль: может, и производство наладят со временем? Масок хотя бы. А патрули то появлялись, то исчезали. Всё как обычно. Однако к майским праздникам полиции в парках явно прибавилось. Первомай без шашлыков! В Москве! На дачах пировать осталось только. В Москве не получится. Даже у участковых в руках появились дубинки. «Не слышно, когда всё это закончится?» — интересовались прохожие,

разговаривая по телефону. А многие старики сидели по домам у окон и сквозь стекло смотрели на улицу, как на представление. Так безопаснее и веселее. Не всё на телевизор глядеть.

И всё-таки многие факты указывали на то, что представление скоро закончится. В первых числах мая с улиц исчезли многочисленные патрули, сорванные в парках ограждения где восстанавливали, а где и нет. Граждане всё вольготнее чувствовали себя на улицах. Полиции перестали строниться. Напротив. Теперь мужчины подходили к редким полицейским в парках и интересовались довольно уверенно: «Для чего вы здесь стоите? Что и до кого охраняете?» Те отвечали, но как-то вяло. Жизнь постепенно входила в привычное русло. Накопившиеся бытовые вопросы требовали скорейшего решения. Ни постричься, ни примерить обновки. Надоело. «После майских праздников всё заработает!» — раздавались на улицах голоса.

Заработало даже раньше. Довольно бойко стали открываться маленькие лавочки. На праздник, девятого числа, ближе к вечеру я заглянул в «Пятёрочку» и обнаружил там знакомых продавщиц у своих развалов — зелени да молочных фермерских продуктов.

— Заработали? — поинтересовался я радостно.

— Заработали, слава Богу! — так же радостно подтвердили они.

— Наконец-то, заждались вас!

Выглядели женщины счастливыми, словно и не было полутора месяцев простоя. Наверстают теперь. Появился свет в конце туннеля! С перспективой жить куда легче.

А вот и солнце! И голуби купаются в лужах. Терять такой солнечный денёк никак нельзя! Но парки всё ещё перетянуты лентами. Как быть? Скинув рубашку, я направился вдоль проспекта. Обветрилса часа за полтора.

Через день опять припекло. В задумчивости я вышел на улицу. Вновь гулять по проспекту? А вот и решение. Зайдя за огромный торговый центр, который пока не работал, я скинул рубашку и устроился на трубе над асфальтом. Тепло. И никого вокруг, что и требовалось. Сезон начался! Подставляя спину солнцу, я размышлял о бренности бытия. Полчаса пролетели незаметно.

— Здравствуйте. С вами всё в порядке? — поинтересовался дюжий охранник в зелёной форме.

— Всё в порядке, отдыхаю, — кивнул я в ответ.

Услышав внятное объяснение, парень продолжил обход. Я посмотрел ему вслед. Жарко на солнце в таком кителе! Алюминиевая труба нагрелась — не прикоснуться! Ничего не поделаешь, служба! Минут ещё час. Вновь появился охранник.

— Когда откроетесь? — обратился я к нему вежливо.

— Завтра два павильона открываются.

— Обувь там есть?

— Нет, только стройматериалы.

— Понятно.

И в тот день обветрился я неплохо, без маски и без перчаток, кстати.

Наконец глашатай режима объявил: конец близок! Как же бодро высыпал народ на улицы—засиделись! Некоторые граждане, по старой памяти, утеплились основательно, да уже давно потеплело—и люди снимали с себя верхнюю одежду и несли её в руках, удивлённо посматривая по сторонам. Надо же—чуть было весну не пропустили! Ещё встречались во дворах люди в белых комбинезонах да в зелёных костюмах химзащиты, но они уже смотрелись как привидения или как монстры из болота. Из оврага потянуло дымком. Соскучились люди по запаху дыма. Полиция тут как тут. Подъехали, оценили количество людей на природе, развернулись и уехали. Так-то вот! Народ обсуждал последние известия.

— Двадцать тысяч обещали дать, уже хорошо!— сказал проходящий мимо мужчина, обращаясь к своей жене с коляской.

Та имела недовольный вид. Таким сколько ни дай, всё мало будет.

— Простите, а вы надеваете маску, когда в «Пятёрочку» заходите?— обратилась ко мне женщина с ребёнком и с мужем, когда я степенно шагал с пакетами по проспекту после покупок.

— Перед входом накидываю,— нехотя признался я, понимая, что хвастаться тут особо нечем.

— А нас вот не пускают без масок,— пояснила женщина.

Я понимающе кивнул и продолжил движение, думая о том, что всему рано или поздно приходит конец.

Тем не менее проверки на дорогах продолжались. Мало того, рядом с полицейскими патрулями появились санитарные машины. Водителей выборочно, но настойчиво приглашали провериться. Это уже серьёзно!

— А нам пропуска продлили до середины июня,— шепнул незнакомый мужчина, занимающийся рядом на тренажёре во дворе.

Так-так. Тут и старый ковёрный при палатах выступил с посылкой: ограничения не будут сняты, пока не проголосуete. Ну-ну!

А дома загонять попугая в клетку становилось всё труднее. Он освоился, почувствовал вкус свободы и летал по квартире довольно уверенно. Поймать его стоило большого труда, только накрыв покрывалом.

— Так вот, значит, как ты!— вздыхал я, набегавшись за птицей.— Выпустишь такого из заточения—обратно не загонишь!

Попугай порхал и весело щебетал в ответ: не догонишь, не поймашь!

Лена давно вернулась с дачи, и вечером мы с ней отправились на прогулку и остановились у знакомого пруда. Последний день весны. Завтра

начало лета! Картина изменилась. Люди спокойно прогуливались по дорожке, рыбаки то закидывали, то выдёргивали свои удочки, под надзором хозяев у берега плескались собаки, поодаль от них плавали утки, без утят пока, вопреки ожиданиям. — Ну вот, скоро закончится режим самоизоляции. Что скажешь на это, мамочка?— обратился я к спутнице.

Она смотрела на проблему с медицинской точки зрения.

— Пока не переболеет семьдесят процентов населения, ничего не закончится,— объяснила заведующая крупным отделением в больнице.— У меня медсестру забрали с подозрением на коронавирус, я думала, что и мне придётся в Коммунарку ехать. — Обошлось?

— Обошлось пока. А так следят за нами строго, из корпуса в корпус в масках ходим, везде камеры. Кровь сдаём регулярно. У меня кровь два дня назад брали и в понедельник снова брать будут. Так что ничего ещё не закончилось.

Я слушал её, не перебивая, а сам думал о другом. О чём? Мы застали начало развития событий, когда оставалось только гадать: что же будет дальше? Пережили середину, когда дело шло ни шатко ни валко. И вот теперь на наших глазах происходило угасание действия, причём завершение шло как бы само по себе. Казалось, что напасть пришла ниоткуда и уходила в никуда. Ещё не сняли все ограничения, но не вызывало сомнения то, что теперь это вопрос времени.

Итак, основная опасность миновала, но я не стал бы относиться к полученному уроку с пренебрежением. На всём протяжении действия не отпускало ощущение того, что это лишь ширма для чего-то более значимого, скрытого пока от глаз общественности. Не случайно правительство многих стран отнеслись к угрозе весьма серьёзно. Не исключено также, что организаторы действия продемонстрировали мировому сообществу свои возможности. Как бы предупредили: пока вы отделались малой кровью, а в следующий раз столкнётесь с боевым вирусом. Это ещё не конец, и возможно драматическое развитие событий. И к подобной напасти следует основательно готовиться и власти, и народу. Той власти, которая в состоянии обеспечить действенные меры по защите своих граждан. И я допускаю, что своё веское слово об этом ещё скажет наш народ.

Приоритет старых понятий

Давно обратил внимание на то, что когда действую согласно своим внутренним убеждениям, то чувствую себя легко и свободно. Хорошая фраза получилась! Можно двигаться дальше. Особенно если есть уверенность в своей правоте. Вот только где бы взять силы на утверждение этой самой правоты? Но я настроен оптимистически

и не прекращаю поисков своих единомышленников. О чём это я? Ах да—о наболевшем!

В этом рассказе речь пойдёт о квартирном вопросе. Этот вопрос, в связи с тяжёлой болезнью отца—Деда, относительно недавно остро встал передо мной. Но не только о квартире пойдёт речь. О душе ещё намерен поговорить немного. Благо появился повод вспомнить и о ней.

Последний визит в онкологический центр на Каширском шоссе, куда пришлось везти Деда на очередной осмотр, ясно показал, что теперь время коротко.

—Сколько старику осталось жить на белом свете?—напрямую обратился я к лечащему врачу, когда всё стало понятно даже такому неспециалисту, как я.

Пожилая женщина сняла свои очки и устало посмотрела на меня.

—Что вы хотите от меня услышать?..—начала было она, но осеклась, замолчала.

Мы были знакомы уже больше года. Я регулярно возил к ней Деда, и мне казалось, что имею право задавать подобные вопросы.

—Мало!—ответила врач после паузы.—Очень мало ему осталось!—и назвала примерный срок, отпущенный Богом.—И это при благоприятном течении обстоятельств!—для ясности пояснила она.—Мало!—повторил я за ней задумчиво.—Очень мало!

Закончив визит, вышел на улицу и побрёл вдоль высокого забора из железных прутьев, за которым стояло высотное здание медицинского центра. Кругом лежал грязный московский снег, стояла пасмурная погода, редкие прохожие спешили по своим делам. Машины, как обычно, катились по проспекту непрерывным потоком. Казалось, что жизнь шла своим чередом, но определённо уже не для меня. Скорые перемены витали в воздухе, и я физически ощущал их приближение. Если до этого момента я испытывал относительное спокойствие, то теперь мной овладела тревога. Мало времени осталось! Мало!

Стало понятно, что привычный размеренный быт скоро закончится, всё пойдёт по-другому. Я уже испытал такое чувство, когда мне засветил реальный тюремный срок за «экономические преступления». Тогда—отбился! А вот теперь—на повестке дня встал квартирный вопрос. А с ним—перемены! Скорые перемены!

Мысли, одна неприятнее другой, пронеслись в моей голове. История тяжёлым плугом разделила общество на две части—условно говоря, на «мы» и «они», оставила глубокую борозду и в нашей семье. Отбросила нас с братом по разные стороны.

«Дождался-таки он своего часа!»—с большой неприязнью подумал я о брате. Сидеть в засаде он умел—в этом ему не откажешь! Мог всю ночь просидеть в засаде на кабана, держа палец на

спусковом крючке, в надежде сделать один-единственный точный выстрел! И это ему удавалось!

Квартира! Минуло уже двадцать лет с тех пор, как брат ушёл из неё, занялся «бизнесом». Почему он не выписался до сих пор? За это период он не бедствовал. Купил три квартиры, две из которых сразу продал, приобрёл бывший пионерлагерь и более чем двести гектаров земли к нему в придачу. И ему всё мало! Вспомнился неприятный разговор, произошедший между нами больше года назад. Тогда, узнав о наследстве, которое оставлял нам отец,—по семьсот тысяч рублей, брат сразу потребовал свою долю. «Не торопись—старик ещё жив!»—ответил ему тогда. Всё же триста тысяч, по настоянию старика, передал ему. На два месяца.

Нет, тут надо было посоветоваться! Одному недолго и запутаться в проблеме! Только вот—не с женой. Она жила хоть и рядом, но отдельно, и у неё своих забот тогда хватало! Тогда с кем бы? Случай скоро представился. Моя давняя знакомая, которая переехала за город вместе со своим мужем, пригласила навестить их. Солдату собраться—подпоясаться, и скоро я оказался в уютном охотничьем домике далеко за городом. Раздраемый сомнениями, я поделился своими опасениями:—Что будет с квартирой после ухода старика?—Срочно решай квартирный вопрос, пока твой Дед ещё жив!—сразу ответила она.—Если не решить этот вопрос сейчас—останешься без квартиры!

—Неужели брат всё-таки явится требовать свою долю?—поинтересовался я с сомнением.

Хотя, по правде говоря, особых сомнений давно не испытывал.

—Обязательно явится!—уверенно подтвердила старая знакомая.—Явится и снимет с тебя последнюю рубашку!

—Значит, явится?

—Обязательно! Он уверен, что ему все должны платить!—пояснила собеседница.

Она была знакома с нашей семьёй.

—И что посоветуешь?—захотелось услышать её дельный совет.

—Что посоветовать? Свяжись с ним сейчас—попробуй откупиться!—предложила она.—Ты говорил, что год назад он уже приходил за деньгами?—напомнила собеседница.

—Приходил!—подтвердил я неохотно.

Тут в памяти и всплыл наш последний разговор. Сказал, что выпишется за семьсот тысяч рублей! Вспоминать об этом было крайне неприятно, но пришлось. Ответил ему тогда резко.

—Вот и скажи, что теперь ты согласен!—подсказала знакомая.—Он, между прочим, идёт тебе навстречу.

—Конечно. Можно сказать, что благодетель!—прокомментировал её слова с иронией.

— Подумай — квартира много дороже стоит! — парировала она. — Кстати, он не вернул деньги, которые тогда взял у Деда?

— Нет, не вернул. Как взял, так и пропал.

— И не вернёт! — последовал ответ.

— Значит, откупиться! От родного брата откупиться! — усмехнулся я про себя. — А то, что помогал ему в своё время, он уже и не помнит?!

— Конечно, нет! Ты же сам говорил, что уже оказанная услуга не стоит и гроша! — напомнила тут собеседница. — Я тебя предупреждала в своё время! — Ты ещё скажи, что мне и в партию не следовало вступать! — нашёлся я в ответ.

Помолчали. Саша, её муж, в разговоре участия не принимал, лишь сидел на диване с отрешённым видом, чистил своё охотничье оружие.

— Ладно, как раз есть повод с ним связаться! — нехотя вернулся я к разговору. — Повестка ему пришла намедни, вызывают за просроченное разрешение на оружие! В любом случае — сообщить придётся. — Вот и сообщи! — согласилась хозяйка. — Вот и воспользуйся случаем — переговоры! Поинтересуйся, на каких условиях он согласен уступить свою долю. — Продать, значит? — уточнил я. — Конечно! — подтвердила она. — Без денег он не отступится!

Деньги! Родственник называется!
— Почему мы им должны платить?! — воскликнул я риторически. — По-моему, это они должны платить за каждый свой шаг, за каждый вздох на земле, которую «приватизировали».

— Оставь! — махнула рукой она.

Помолчали. Подошла охотничья собака, до этого дремавшая в углу, подставила свою холку. Потрепал для порядка!

— Впрочем, ответ мне известен наперёд! — добавила собеседница.

Надо заметить, что к подобным заявлениям я стал относиться на полном серьёзе, поскольку она редко ошибалась.

— И что же это за ответ?

Тут я с интересом посмотрел на собеседницу. Наперёд ей всё известно!

— Миллион он с тебя потребует — на меньшее не рассчитывай! — просто ответила она.

— Но он же взял уже у старика деньги, триста тысяч рублей, на два месяца!

— Взял и пропал — год уже не появляется! Об этих деньгах даже не вспоминай! — последовал совет. Кстати, не забудь сказать своему старику, что тебя предложение брата устраивает, а то он возражать будет! — подсказала ещё она.

— Эх, разными мы с ним дорогами идём, разным богам молимся! — риторически воскликнул я напоследок.

— Хватит вам спорить! — вмешался в разговор Саша. — Ты ружьё с собой взял? — обратился он с вопросом.

— Взял, в багажнике лежит, — последовал ответ.

— Поехали тогда, зайчиков постреляем! — предложил заядлый охотник. — Здесь недалеко, в свете фар так и прыгают!

— А поехали! — охотно согласился я. — Развеюсь на природе от мрачных мыслей!

В тот вечер подстрелить зайцев не удалось. Наверное, Саша просто так выехал на природу. Собак выгулять. Но поездка того стоила. Я пристально смотрел на заснеженные поля и леса вокруг. «Вот откуда буду черпать свои силы!» — без всяких прикрас подумал тогда.

Через пару дней, повертев в руках письмо из увд, я набрал номер брата.

— Повестка тебе пришла, насчёт оружия! — объявил ему и продирижовал контактный телефон, указанный в повестке.

Он всё записал.

— Да, есть ещё один вопрос, — тут я сделал над собой усилие. — Ты говорил, что тебе нужны деньги? Так определись, сколько, и реши наконец-то вопрос со своей пропиской! — предложил я ему.

Ничего не ответив и не поблагодарив даже за сообщение о повестке, брат повесил трубку. Пообщались.

Тем временем заботы о больном старике поглощали всё больше внимания. Даже на творчество оставалось всё меньше времени, и темп работы заметно снизился. Я даже стал позволять себе не отвечать на замечания уважаемых редакторов из разных стран, переписка с которыми до этого шла полным ходом. Просили показать свежие фотографии — некогда было фотографироваться. Предлагали прислать новые рассказы — не хотелось заниматься их правкой. Напоминали, что хорошо бы прочитать рукопись и оставить отзыв, — не оставалось ни сил, ни желания. К тому же при отправке писем компьютер постоянно зависал, и отвечать на одно письмо приходилось по пять раз. «Может быть, отстанет брат, выпишется по-тихому, не станет предъявлять претензии?» — думал я иногда. Верилось в это почему-то с большим трудом. Только воображение рисовало радужную картину.

Между тем за мелочными заботами время летело незаметно. До нового две тысячи двенадцатого года оставалось всего ничего — неделя, кажется. В один из предновогодних дней, поставив машину на стоянку, я возвращался пешком к дому, привычно месяя мокрый снег под ногами. Вечер давно наступил, вокруг было темно, сыро и промозгло. Радоваться было особо нечему, да и погода не способствовала. Но на Новый год так хотелось праздника!

По дороге я прикидывал успехи, с которыми подходил к Новому году. Скромные оказались успехи, надо признать! Из четырёх журналов с моими рассказами, выхода которых с нетерпением ждал к Новому году, прислали только один.

Да добавок жена приболела немного, что тоже не добавляло веселья.

Неожиданный и противный писк мобильного телефона отвлек от мрачных мыслей и вызвал немалое удивление. Сообщения я получал по большей части только тогда, когда мой баланс был ниже двух долларов или пятидесяти центов. Но нет — не звонил я никому за последнее время! Не должны были мне слать очередное напоминание о необходимости пополнить счёт. Что за новости? Надо посмотреть!

С недоумением я вчитывался в полученное сообщение: «Продам свою долю за один миллион рублей без торга». Пожав от недоумения плечами, уже собрался было удалить текст за ненадобностью. Показалось, что это очередной рекламный трюк: мало ли объявлений висит на столбах о продаже доли в квартире? Устал я к вечеру, чтобы читать всякие глупости! Да вот номер что-то показался очень знакомым!

Я ещё раз перечитал сообщение, вникая в его смысл. Да, сомнений больше не оставалось. Сообщение прислал брат, и все точки над «i» были расставлены. Этим поступком он окончательно перечеркнул родственные отношения. Значит, деньги для него превыше всего! Может быть, я что-то не понимал? Это ведь была не какая-то квартира на стороне, которую действительно надлежало бы поделить. Эту квартиру я, по наивности, считал своей. Минуло больше двадцати лет, как брат ушёл из неё! И вот — вспомнил! Моя знакомая оказалась права — даже сумма соответствовала её прогнозу! Впрочем, подсчитать её особого труда не составляло. Это были все деньги, которые старик оставлял нам с братом.

«Доля, значит! — усмехнулся я про себя. — Доля оценивается ведь не только в стоимостном выражении. Бывает ещё и горькая доля! Да, поневоле, а вступать в борьбу придётся!»

Возмущение во мне нарастало медленно, но верно. Откуда взялась эта идеология? Кто сказал, что деньги — превыше всего? Думал я про брата, но невольно охватил взором всё общество. Выделил из него жирующую братию. Откуда взялась эта сволочь?

В это время по проспекту, мигая огнями и ревя сиреной, пронеслась блестящая чёрная машина. Я проводил её ласковым взглядом. Давно ли они почувствовали свою силу? Кто так успешно насаждает новые понятия о нравственности? Неужели дела и речи полупьяного бывшего второго секретаря обкома партии привели к такому результату? Второй секретарь любой партийной организации отвечал как раз за идеологию. За марксистско-ленинскую идеологию, разумеется. Хороша идеология! Быстро добились успеха! Только вот идеология стяжательства и раньше мне не очень нравилась, а теперь и вовсе стала неприемлема! И ясно,

как Божий день, что ситуация изменится в лучшую для меня сторону только тогда, когда по этой идеологии будет нанесён сокрушительный удар.

Ладно, это всё теория, напомнил я себе. А пока же мне предстоит решать практические вопросы. Поскольку дело требовало решения, то задался вопросом: а не откупиться ли действительно от родственника, как и советовала моя знакомая? Выиграю время для спокойной работы. А окончательный расчёт произведу потом, когда найду ту силу, к которой примкну безоговорочно. Тут, правда, много юридических тонкостей, никак нельзя ошибиться, а то легко окажусь на улице. Примеров прошло перед глазами достаточно.

В памяти услужливо всплыла картина, свидетелем которой стал прошлой зимой. Я возвращался тогда домой по проспекту среди белого дня и увидел мужчину, который, раскинув руки, лежал на снегу лицом вверх. Плохо стало человеку, или — пьяный?

Подойдя ближе, я взглянул на его лицо и понял, что он не пьян, а просто лежит и смотрит на небо широко открытыми глазами. И такая тоска угадывалась в его глазах! Отчаяние! Наверное, человек попал в тяжёлую жизненную ситуацию, может быть, даже лишился квартиры, и никому до этого не было никакого дела!

Нет, никак нельзя ошибиться! Запросто окажусь на его месте! Мало ли прохиндеев развелось вокруг?

Тем временем идущий впереди в темноте мужчина оглянулся пару раз, остановился, сделал шаг в сторону и пропустил меня вперёд. «Дожили! Друг от друга шарахаемся!» — покачал я головой, обгоняя его.

На следующий день, поразмыслив, утвердился в мысли, что наступила пора обратиться за помощью к специалисту. Послушать, что хорошие люди посоветуют. Одна голова — хорошо, а две — лучше! Была у меня такая знакомая — Надежда. Она могла просветить насчёт юридических тонкостей, поскольку работала помощником нотариуса. Позвонив ей, договорился о встрече.

Надежда встретила меня радушно при входе в контору. Мы обнялись и через толпу людей в приёмной прошли в её кабинет.

— Ну, рассказывай! — сразу перешла она к делу, взяла в руки карандаш и подвинула ближе блокнот, лежащий на столе.

Мне оставалось только рассказывать, а она делала пометки в блокноте. Похоже, что через пару минут женщина уяснила ситуацию.

— Как твой Дед? — перебив, поинтересовалась она. — Плох он, — последовал ответ. — Врачи говорят, что недолго ему осталось.

— Надо торопиться! — озабоченно произнесла Надежда. — У моего знакомого — ты его знаешь — брат тоже предъявил права на долю в квартире, так такая нервотрёпка была!

Вот интересная новость для меня! Вот обрадовалась!

— А твой Дед не будет возражать против выкупа доли? — поинтересовалась помощник нотариуса. — Не знаю, не говорил с ним ещё! — без всякого энтузиазма ответил я собеседнице. — Да, видимо, придётся поговорить — всё равно нет другого пути! — Ладно, записывай, какие бумаги необходимо собрать, — и, подвинув листок бумаги, Надежда продиктовала перечень необходимых документов. Не так много их и оказалось. — Как соберёшь, сразу ко мне, я быстро подготовлю договор! — добавила она. — Всё понятно! — с документами ситуация прояснилась.

Я поднялся со стула, не желая больше отвлекать её от дел, тем более что в коридоре сидели посетители.

— Подожди, не уходи! — остановила меня Надежда. — Расскажи о себе: как ты сейчас живёшь?

Осталось очень немного людей на белом свете, с которыми я мог бы быть откровенным. Вот тогда и наступил тот самый случай. Лукавить было ни к чему — знали мы друг друга, наверное, больше двадцати пяти лет.

— Ничего! — ответил я просто, опускаясь на стул. — В целом — ничего! Забот, конечно, хватает, но занимаюсь своим делом, пишу потихоньку, становлюсь известным писателем.

Здесь, конечно, поскромничал — следовало сказать: очень известным! Тут я задумался: а может быть — даже народно любимым? Нет, пока это определение, увы, не подходило. Может быть — потом! Ничего, лиха беда начало!

— Печатают вот в Германии, в Казахстане, в Америке скоро публикация должна выйти! — скромно похвалился я заслугами, и это была суцая правда.

Ещё хотелось добавить, что одно издательство в Голландии, «Андерсвал» называется, даже назначило членом жюри международного конкурса, но промолчал из природной скромности.

— А живёшь-то на что? С этого разве деньги идут? — улыбаясь, спросила собеседница.

— Нет, конечно! Хорошо ещё, что с меня денег не берут; впрочем, требуют постоянно! — и здесь я не слукавил. — Ничего, как учили древние мыслители — слава приносит доход! Разбогатею ещё! Гульнём тогда!

Мы немного посмеялись. Да, нелёгко писательский труд!

— А живу, кстати, на подножном корму, — добавил я уже серьёзно. — Переводы, репетиторство — когда есть, то выручают. Привык уже! — тут я махнул рукой, не желая больше обсуждать эту тему.

— Принеси мне какой-нибудь свой журнальчик почитать, а то с экрана компьютера плохо читается! — попросила Надежда.

Просьба озадачила — нести-то особо было нечего. Больше одного экземпляра мне не присылали.

— Ладно, подберу что-нибудь! — нехотя согласился я напоследок.

Озадачила-таки! Зато помощник нотариуса до выхода проводила дорогого гостя.

После такого разговора, по идее, следовало скорее заняться сбором необходимых документов, но как-то не торопился я приступать к этому важному делу. Почему-то тогда уже показалось: пустая это затея!

Я чувствовал, что предстоит непростой разговор с Дедом. Возможность того, что сам могу распорядиться деньгами, даже не ставя его в известность, мной не рассматривалась. Хотя, повторюсь, все рычаги управления финансами находились тогда в моих руках.

В ушах стояли слова Деда, которые он любил повторять: «Я оставляю вам наследство поровну! Поровну!» Однако как не откладывал я разговор, а всё-таки пришлось его начинать. Сколь верёвочке не виться...

Улучив момент, когда Дед находился в добром здравии, я попросил его устроиться за столом для разговора. Издалека начал речь о наследстве, о том, что неплохо бы решить мой жилищный вопрос, как мог попробовал разъяснить ему ситуацию с квартирой.

— Какой такой квартирный вопрос? — не понял сначала, отец. — У твоего брата есть своя квартира, да усадьба ещё в придачу огромная! А ты живёшь здесь, в нашей квартире, худо-бедно — есть крыша над головой!

— А ты не задумался о том, почему он до сих пор не выписался от нас? — спросил я Деда.

Старик ничего не ответил. Тогда я взял заранее приготовленный листок, карандаш и нарисовал круг, который для ясности разделил на три части. — Его доля! — показал Деду одну из частей. — Вот денег он и попросил за свою долю! Потому и не выписывался все двадцать лет — всё ждал случая! — Каких денег? — не понял отец.

— Обычных денег — рублей! Миллион рублей потребовал за то, чтобы избавить нас от своего общества! Сообщение вот прислал об этом! Словом, давай отдадим ему этот миллион и снимем вопрос с повестки дня! — обратился я к старику, посчитав, что всё объяснил достаточно ясно. — Да навстречу мне он идёт! — добавил тут, вспомнив наставления своей знакомой. — Его доля много дороже стоит!

— Не верю — покажи сообщение! — хмуро попросил отец.

Достав телефон, я продемонстрировал текст. — Без торга, значит! — усмехнулся старик, прочитав сообщение несколько раз.

Помолчали.

— Так как — отдадим? — повторил я. — Навстречу ведь идёт!

Тут Дед снова пустился в рассуждения.

— Я оставляю вам с братом по семьсот тысяч рублей! — в который раз завёл Дед свою шарманку. — Триста тысяч он уже взял!

— Да, не семьсот тысяч ты ему оставляешь, а половину трёхкомнатной квартиры! А это — больше шести миллионов! — воскликнул я эмоционально, даже немного повысил голос. — Что ты всё заладил — семьсот тысяч, семьсот тысяч?! Не хочешь понять элементарных вещей!

Старик с недоумением посмотрел на меня.

«Стоп! — тут же остановил я себя. — А почему он должен что-то понимать? Дед всю жизнь прожил по своим правилам, убеждениям, понятиям. Воевал, между прочим, — служил юнгой на корабле в Севастополе. Сам разглядывал много раз старые, пожелтевшие фотографии. С какой стати на склоне лет он должен менять свои взгляды на жизнь? Что такого так уж сильно изменилось в обществе? Разве сын не обязан заботиться об отце? Разве члены семьи не должны поддерживать друг друга? Должны, конечно, но это всё на словах, а вот на деле... Разве кто-то удивится тому, что брат судится с братом, муж с женой, дядя с племянником?... Сутяжничество сплошь и рядом!»

Старик тем временем опять завёл речь о наследстве. Слушая его, я думал о том, что у него своя правда, но новое время принесло новую идеологию. Кучке жирующих подлецов удалось изменить психологию всего общества. Да, надо признать, что почти так оно и произошло. Почти — потому что они, конечно, попытаются довести дело до конца. Навязывают, сволочи, свои новые «принципы», да только вот общество всё больше противится этому. Принцип вора — по крайней мере, мне, — стал давно понятен: безнаказанно вор будет красть до тех пор, пока его воровская рука не будет отсечена! Я допускал, что это не только моё мнение. Значит — есть единомышленники? Что-то пока не видно!

Даже мне, крепкому мужчине средних лет, постоянно приходится учитывать «новые реалии». А каково приходится старику? Надо ли ему перестраивать своё мышление? Тут мне припомнились слова старого рабочего во времена присной памяти Горбачёва. «Я всю жизнь честно работал — зачем я должен перестраиваться?» — бросил он назойливому корреспонденту. И в самом деле — зачем? В чью угоду? Тем временем Дед монотонно бубнил свою речь, в который раз повторяя одно и то же.

«Почему я наседаю на старика? — всё больше охлаждал я свой пыл. — В конце концов, это мои проблемы. Пока Дед жив, братец с дележом не сунется. А дальше — видно будет! Только вот времени у меня осталось мало!»

Пока Дед говорил, я смотрел на листок с кругом и испытывал боязнь оттого, что если проявлю небрежность, то вполне могу остаться и без квартиры, и без денег. А там — иди жалуйся куда

хочешь! Возразить старику, попробовать переубедить его? Объяснить, что времена изменились, что возврата к прошлому не будет?

Отogna мрачные мысли, я перевёл взгляд на отца. Окинул взором его фигуру. Тяжело приходилось ему за последнее время! Железными клещами сжимала его неизлечимая болезнь.

Говорил Дед медленно, с трудом подбирая слова, но твёрдо и решительно. Он казался немощным только физически, но был в ясном уме, и в рассудительности ему отказать было нельзя, это точно! И в твёрдости духа — тоже! В прошлом — разбитной матрос с военного корабля, а ныне — доктор педагогических наук! Сплав получился отменный! «Сплав науки и отваги...» — слова взводной песни вызвали лёгкую улыбку.

Подавшись вперёд, к столу, что свидетельствовало о большом нервном напряжении, Дед навалился на правую, здоровую, руку. Левая его рука висела на привязи. Тяжёлый недуг, мучавший старика, почти лишил её подвижности.

— Так каков будет твой окончательный ответ? — устало перебил я собеседника, хотя ответ его стал уже понятен. — Дадим ему деньги или нет?

Да, ответ был понятен, но я немного напрягся. — Так вот, — продолжил отец. — Ты волен распорядиться тем миллионом, который и так находится под твоим контролем. Волен распорядиться как тебе заблагорассудится! Можешь даже отдать ему. Но если ты это сделаешь, то я поставлю на вас обоих крест, и вы перестанете для меня существовать. Шкурные отношения в семье, пока я жив, не приемлю!

Тут старик для ясности с трудом взял лежащий перед ним карандаш и нарисовал на листочке с кругом небольшой, но жирный крест. «Эх, Дед! — только и вздохнул я. — Обрекаешь ты меня со своими старыми понятиями на большие трудности! Да что там — чему быть, того не миновать!»

— Всё! — произнёс я, поднимаясь со стула. — На этом разговор и закончим. Забудь то, о чём я просил тебя. Пока ты жив, больше не вернёмся к этому вопросу.

Потом каким-то очень уж медленным движением взял со стола листок с кругом и жирным крестом, посмотрел на него внимательно так. Запоминал, наверное!

Затем, сложив листок, принялся рвать его на части, снова и снова, с каждым разом ощущая, что избавляюсь от тревоги и, напротив, испытываю прилив свежих сил. Даже дышать стало легче! Подумаешь — дольщик объявился на мою голову! Ещё посмотрим, на чьей улице будет праздник!

Затем уже без особых усилий подошёл к мусорному ведру, с силой швырнул туда обрывки и вздохнул с облегчением, словно избавился от чего-то очень неприятного. Крест, нарисованный стариком, остался, но уже — в душе только.

— А что ты ему ответишь? — медленно задал вопрос старик и кивнул на мобильный телефон, лежащий на столе.

— А ничего не отвечу! — последовал ответ. — Он поймёт, он сообразительный! Это ведь — тоже решение! — Ну а если позвонит?

— А если позвонит, так и объясню — что мы решили руководствоваться старыми понятиями о семейном долге, о нравственности вообще. Без долгих пояснений. Это и будет ответом.

— Я вижу, что ты чего-то боишься, — тихо произнёс отец.

Я не ответил — это стало уже не важно.

— Не бойся. Не бойся перемен! Ты столкнулся с подлостью, постарайся выйти из этой ситуации достойно.

«Я каждый день сталкиваюсь с подлостью!» — хотелось ответить старику.

— Держать удар достойно — легко сказать! Да, я постараюсь, Дед! — усмехнулся я невесело. — Силу вот только пока не вижу, к которой примкнул бы безоговорочно. Ту, которая переломит хребет этим шкурным понятиям!

Старик ничего не ответил.

— Одна к тебе просьба! — обратился я тогда к отцу. — Постарайся как можно дольше прожить на белом свете, прокопчи ещё небо! Может быть, за это время мне удастся решить и квартирный вопрос.

То, что я подразумевал под решением этого вопроса, лежало очень далеко от юридической плоскости. С трудом поднявшись и тяжело опираясь на палку, старик вышел из комнаты. «Отдохни, отец!» — подумал я, глядя ему вслед.

Было над чем задуматься после такого разговора! Что меня ждёт в дальнейшем? Различные варианты, прокрученные в сознании, сулили мало хорошего. Но нарушать волю тяжелобольного старика я, конечно, не собирался. Придёт время, и брат придёт за своей долей, как только старик уйдёт. Раньше не осмелится! Да, произойдёт это очень скоро, но немного времени ещё есть.

Однако нашлись и другие аргументы. Ну, допустим, я последую своим нравственным принципам и квартиру, скорее всего, потеряю. И что получу взамен? Верность тем принципам, о которых сказал отец? Кому они нужны, эти принципы? «Мне нужны!» — твёрдо напомнил я себе, усмехнувшись. — Назвался груздем — полезай в кузов! Правильно сказал Дед: чего бояться? На войне как на войне! А то, что за возрождение духовных основ предстоит повоевать, — это и так уже давно понятно! Не даст мне эта жирующая сволочь спокойно дышать — не даст! Ладно, Бог не выдаст — свинья не съест!»

Потянулись ничем не примечательные московские будни. Незаметно наступил Новый год, а там и зима подошла к концу. Привычная, размеренная жизнь быстро поглотила моё внимание. Забот со стариком хватало. Я привлекал всё новых

и новых врачей, пытаюсь облегчить его участь, и радовался каждому новому дню, когда видел его в относительном здравии. Ну и своего распорядка старался придерживаться: творчество, прогулки, тренировки, переводы, занятия с семьёй, — фасон надо было держать! Каждый день оказался расписан буквально по минутам. О разговоре по поводу доли мы больше не вспоминали — точка была поставлена. Что воду в ступе толочь?

Заботы, заботы! По складу своего характера я привык отвлекаться от текущих дел, хотя бы ненадолго. Наверное, это вошло в привычку во времена занятий боксом. Тогда во время боя между раундами был наибольший перерыв, и можно было отдышаться, привести в порядок себя и свои мысли. Короткой паузы вполне хватало. Худо-бедно, а можно было бороться дальше. Однако это в спорте — а в жизни? В жизни такой отдушиной для меня стали поездки за город. Там хоть и ненадолго, но отвлекался от бешеного ритма московской жизни.

Там, за городом, я любил выходить один на дорогу, смотреть на поля, покрытые снегом, на леса в зимней спячке и, наверное, а скорее — наверняка, черпал силы из величия родных полей и лесов. Врачевал старые душевные раны. Готовился к новым испытаниям.

Ждали меня за городом только старые знакомые, и, не мудрствуя лукаво, я направился к ним. Там, в охотничьей избушке, сразу нашлось чем заняться! Охотно поиграл с охотничьими собаками, осмотрел оружие Саши, послушал его красочные рассказы об удачной охоте и рыбалке. Поинтересовался: много ли наловили рыбки? Тянул, словом, время. Как-то не хотелось мне обсуждать свои дела, проблемы, и я всё радовался жизни за пустыми разговорами.

— Много наловили рыбки, много, и тебе дадим! — перебила, наконец, старая знакомая мои оживлённые расспросы. — Расскажи лучше, как твой Дед, что вы решили с квартирой. Состоялся с ним разговор? — Да, состоялся! Что тут решать? — тяжело вздохнул я в ответ. — Старик категорически возражает против передачи брату денег за его долю. Он твёрдо сказал, что между родственниками такие отношения неприемлемы.

— Совсем с ума сошёл твой Дед! — эмоционально ответила старая знакомая. — Оторвался старик от реальности!

— Да, говорить с ним стало трудно, не спорю. Утомил он своими старыми понятиями о нравственности. Но вместе с тем в душе я с ним согласен. — Смотри — без квартиры останешься! — просто констатировала хозяйка охотничьей избушки. — Кстати, ты же можешь решить вопрос и без его участия! — тут же подсказала она. — Ты же говорил, что деньги под твоим контролем — вот и передай их своему брату!

Я задумался лишь на мгновение.

— А как я посмотрю потом Деду в глаза? — задал ей вопрос. — Ты же знаешь — он сейчас больной, немощный старик! Сказал, что проклянет меня, если я так поступлю! Зачем мне проклятие старика? И так, без особой на то нужды, много греха взял на свою душу!

Сидящий за столом Саша при этих словах отвлёкся от рюмки коньяка, которую дегустировал, и одобрительно закивал головой: правильно!

— Кстати, сам виноват, что допустил такую ситуацию! — продолжил я, ощутив поддержку. — Виноват тем, что ещё тогда, в начале девяностых, не наступил каблуком на голову выползающей из щели гадины!

Конечно, я имел в виду не брата. Но это и так было понятно.

— Смотри! — просто предупредила старая знакомая.

— Смотри не смотри, а передай Надежде, чтобы больше не ждала меня — не приеду! — для верности я махнул рукой.

Надежда, помощник нотариуса, была её сестра. — Ладно, понятно. А как твой Дед? — поинтересовалась собеседница. — Жив ещё?

— Плох он, очень плох! — продолжил я свой рассказ. — Недавно привлек врачей из хосписа, они помогли немного снять боль! — и вкратце поведал о последних новостях, о том, что сделал для Деда.

К моему удивлению, говорил я легко и непринуждённо. Куда-то ушло напряжение последнего времени. Так бывает, когда человек уверен в своей правоте и не сомневается в правильности своего выбора. Подобное я испытывал в Англии, когда принял непростое решение вернуться на Родину, в распросёртые объятия уЭПа. Ох и хорошо же я почувствовал себя тогда! Смотри, читатель, мои «Английские впечатления»!

— Ладно, и с этим всё понятно! — устало махнула рукой подруга. — Горбатого могила исправит! Держи меня в курсе! Баньку тебе истопить? Попаришься? — А истопи, пожалуй, попарюсь! — отказываться от столь заманчивого предложения не было никакого смысла.

Дальше, наш разговор снова переключился на охоту. Мы с Сашей принялись спорить о необходимости замены охотничьих билетов, снова заговорили о рыбалке, об охотничьих собаках. Я, конечно, большой специалист в этом деле! Зато свернули квартируную тему. Ну её к Богу — и так всё стало понятно!

Время в гостях, как всегда, пролетело незаметно. Меня вкусно накормили, истопили баньку, где я от души попарился. Жаль только, что выпить не мог по-настоящему — за рулем не попьёшь!

Возвращался домой уже поздно вечером. Хорошо же после баньки! Дышалось легко и свободно! И мысли были — чёткие и ясные! Я осторожно вёл машину и смотрел на однообразную знакомую

картину за стеклом. Монотонно накатывался чёрный асфальт под колёсами, тёмная стена деревьев тянулась по обеим сторонам дороги, виднелись вереницы огней от машин, едущих в обе стороны.

Противоречивые чувства испытывал я тогда. Да, выбор сделан! На компромиссы, пока жив старик, я не пойду, а после того, как он уйдёт, выбора, скорее всего, уже и не останется. Пока я проигрываю. Но это — пока!

Идеология той, другой стороны не знает пощады! Но и мне есть что им противопоставить. Давно уже, что греха таить, я ощущаю себя не только писателем, но и идеологическим бойцом. Работаю в этом направлении. Осознаю важность стоящих передо мной задач и стараюсь действовать осторожно, но решительно. Да, придётся нелегко — и это понятно! Скорее всего — даже очень нелегко! Но на память тут же приходили слова старика: не бойся! И в самом деле — что мокрому воды бояться?! Чему быть — того не миновать!

Захотелось выйти, развяться, собраться с мыслями. Прижавшись к обочине, я остановил машину. Затем вышел из неё и принялся глубоко дышать, наслаждаясь свежим морозным воздухом. Эх, Русь-матушка — выручай! Огни машин между тем по-прежнему катились по трассе нескончаемым потоком. У всех были свои заботы.

Минуло несколько дней после поездки. Я уже поставил было жирную точку в конце этого рассказа, как вдруг обнаружил в Интернете обращение некоего протоирея под названием «Непризанные мысли».

«Нужно переходить к диктатуре совести...» — бросилась в глаза фраза. Что ж, это определение понятно для меня. Давно пора! Очевидно, что общество забурлило, протестные настроения стали выплскиваться наружу. Тут ещё на память пришли многочисленные акции протеста, имевшие быть за последнее время. Труженики офисов дружно выразили своё недовольство. Это, конечно, не та сила, которая изменит ситуацию в обществе, на мой взгляд. Но — лиха беда начало! А что же думаю я, какую силу ищу в союзники?

Уже более двадцати лет мародёры, залезшие в карман к обществу, ведут себя подобно бешеным собакам, продолжают терзать тело общества своими ядовитыми клыками. А разве с бешеными собаками ведут переговоры? Как с ними следует поступать — в этом я не испытывал ни малейшего сомнения. Где те люди, которые думают так же?

Да, за возрождение нравственности в обществе, за духовные основы отечества предстоит побороться. Тогда, может быть, и вопрос с «долей» отпадёт сам собой. Очень надеюсь на это. А пока же я намерен выполнить волю старика. И не беда, что пока его слова воспринимаются как старые понятия о нравственности! Время расставит всё по своим местам.